

Динамика субъективного социального статуса при потере работы: анализ профессиональных различий¹

А.А. ЗУДИНА*

*Зудина Анна Алексеевна – кандидат социологических наук, младший научный сотрудник, Центр трудовых исследований, НИУ ВШЭ. Адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20. Email: azudina@hse.ru

Цитирование: Zudina A. (2016) Job Loss: Occupational Differences in Subjective Social Status Dynamics. *Mir Rossii*, vol. 25, no 4, pp. 154–184 (in Russian)

Исследования последствий потери работы, выполненные социологами и экономистами, свидетельствуют о том, что она приводит к значительному ухудшению уровня дохода, удовлетворенности жизнью, жизненных шансов индивида и представлений о собственном месте в обществе. Открытым остается вопрос о том, какова динамика субъективного социального статуса при потере работы среди представителей разных профессий. Исследование выполнено на данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ за 2000–2012 гг. Важное различие проводилось между безработным и экономически неактивным населением. Результаты исследования позволили уточнить представления о «социальном штрафе» при потере занятости в современной России и социальном положении различных профессиональных групп.

Ключевые слова: субъективный социальный статус, социальная стратификация, безработица, потоки рабочей силы, профессии, панельные данные, РМЭЗ ВШЭ

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Реаллокационные процессы на российском рынке труда», финансируемого Программой фундаментальных исследований НИУ ВШЭ. Автор выражает признательность за ценные замечания и комментарии Р.Н. Абрамову, Н.Т. Вишневской, В.Е. Гимпельсону, Р.И. Капелюшникову, В.В. Радаеву, А.Ю. Ощепкову, П.В. Травкину, Н.С. Снежковой, А.В. Шаруниной, а также всем участникам совместного семинара Лаборатории исследований рынка труда (ЛИРТ) и Центра трудовых исследований (ЦеТИ) НИУ ВШЭ 31 марта 2015 г.

Введение

Исследования последствий потери работы, выполненные социологами, психологами и экономистами, свидетельствуют о том, что она сопряжена со значительным ухудшением положения индивида. Оно может проявляться не только через утрату трудового дохода и уменьшение вероятности найти новую работу, но и в значительном снижении самооценки собственного положения и возможностей в различных областях [Herpworth 1980; Jahoda 1982; DiPrete and McManus 2000]. Учитывая значительную неоднородность содержания и характера трудовой деятельности, влияние профессии на изменение субъективного социального статуса в случае потери работы может быть неодинаковым. Вопрос о том, какова динамика представлений о своем месте в обществе при потере работы у представителей разных профессий, остается открытым. Для каких профессиональных групп потеря работы оказывается более болезненной с точки зрения падения самооценки своего места в обществе? С какой ступени профессиональной лестницы при потере работы падать «больнее»?

Целью настоящей работы является выявление возможного влияния профессии, к которой индивид принадлежал до потери работы, на динамику субъективного социального статуса после потери работы. Результаты исследования позволят уточнить представления о «социальном штрафе» при потере занятости в современной России и социальном положении различных профессиональных групп. Важное различие будет проводиться между двумя возможными типами потери работы: 1) переходом в безработицу, по определению сопряженным с активным поиском работы; 2) перемещением в экономически неактивное состояние, которое означает полный уход с рынка труда.

«Неденежные штрафы» потери работы: обзор исследований

Анализируя последствия потери работы, экономисты преимущественно занимаются изучением динамики доходов и уровня потребления. Результаты проведенных исследований свидетельствуют о том, что потеря работы сопряжена не только с немедленным снижением уровня доходов и потребления, но и с долговременными финансовыми «шрамами»: новое рабочее место зачастую характеризуется более низкой оплатой труда [World Development Report 2013].

Однако последствия безработицы не исчерпываются лишь снижением уровня индивидуального или семейного дохода. Принципиальное значение имеет то обстоятельство, что потеря работы обозначает утрату одной из ключевых составляющих формирования социальной идентичности в современном мире [Jahoda 1982; World Development Report 2013]. Переход в безработицу сопряжен со значительной переоценкой собственных возможностей и жизненных шансов [DiPrete, McManus 2000]. «Неденежный штраф» потери работы включает в себя возникновение острого чувства неудачи и неуверенности относительно траектории дальнейшей социальной мобильности и собственных возможностей [Jahoda 1982; Newman 1999], увеличение психологического напряжения, а также низкую удовлетворенность новой

найденной работой [Hepworth 1980; Knabe, Ratzel 2011; Young 2012]. Данные негативные характеристики объясняются утратой значимой части идентичности, связанной с восприятием собственных способностей достигать и создавать. По этой причине при изучении последствий безработицы исследователи уделяют большое внимание характеристикам субъективного благополучия². Наличие у безработных нетрудового дохода, выплата пособия по безработице и нахождение работы несколько компенсируют падение в субъективном благополучии, однако его прежний уровень зачастую не восстанавливается. Степень воздействия безработицы на размер падения субъективного благополучия варьируется по странам и во многом зависит от социальной приемлемости состояния безработицы [Mavridis 2012].

С точки зрения своих последствий для социального положения и самовосприятия индивидов потеря работы значимо отличается от экономической неактивности. Переход в экономически неактивное состояние практически не сказывается на уровне субъективного благополучия, несмотря на то, что, как и безработица, сопряжен со значительным снижением уровня доходов. Перемещения из состояния занятости в состояние экономической неактивности, как правило, в большей степени представляются добровольным выбором индивидов, отвечающим их текущим целям и предпочтениям по прерыванию или прекращению трудовой карьеры (создание семьи, воспитание ребенка, получение образования, достижение пенсионного возраста). Тем самым индивиды обретают социальный статус, который оказывается сопоставимым с положением занятых, и легитимное обоснование для незанятости в глазах общества, не ассоциирующееся с неудачей или личными недостатками [Young 2012]. Исключение составляют те индивиды, для которых переход в неактивность носит вынужденный характер (из-за сокращений на предприятии или по состоянию здоровья) [Bonsang, Klein 2011; Calvo, Sarkisian, Tamborini 2011]: так, вынужденный выход на пенсию по своим последствиям для субъективного благополучия практически соответствует ситуации безработицы [Bonsang, Klein 2011].

Профессия и положение в социальной структуре

При анализе потерь в субъективном благополучии, происходящих при переходе в статус безработного, исследователи уделяют особое внимание влиянию профессиональной принадлежности индивида³. Результаты многочисленных социологических исследований, выполненных в рамках социологии профессий и занятий, свидетельствуют о том, что профессия – это основная социальная роль индивида, которая определяет направленность остальных жизненных траекторий. Одним из

² Операционализируя данный показатель, исследователи либо рассматривают его через призму психического здоровья [Whelan 1992; Hald Andersen 2009;], либо используют показатель удовлетворенности жизнью [Winkelmann, Winkelmann 1998; Clark, Oswald 2002].

³ В фокусе исследований эффекта предшествующей профессиональной группы на динамику самооценок находятся только безработные. Аналогичных исследований представителей экономически неактивного населения обнаружено не было.

основных теоретических источников социологии профессий и занятий являются различные направления социальной стратификации [Абрамов 2013], благодаря чему профессиональная структура зачастую рассматривается в качестве эмпирического инструмента изучения социальной иерархии [Мансуров, Юрченко 2009]. Особую роль здесь играет теория Э. Дюркгейма о разделении общественного труда, в рамках которой высокое социальное положение занимают индивиды, занимающиеся наиболее важными с точки зрения функционирования общества видами деятельности [Durkheim 1893]. П. Бурдьё также акцентирует различия в объемах и видах накопленного капитала между представителями профессиональных групп, которые дифференцируют их положение в обществе [Bourdieu 1979]. Современные количественные исследования социальной стратификации зачастую интерпретируют профессии в качестве базового эмпирического индикатора положения индивида в обществе. Некоторые широко применяемые стратификационные схемы построены на иерархии профессиональных групп, существующих в конкретном обществе (к примеру, *International Socio-Economic Index of Occupational Status* – ISEI). Общая логика расположения занятий в подобных стратификационных шкалах основана на различиях в характере труда и требуемой квалификации [Бессуднов 2009]. При этом профессии умственного труда располагаются выше, чем профессии физического труда, а высококвалифицированные специалисты – как правило, выше, чем менеджеры [Chan, Goldthorpe 2004].

Роль предшествующей профессиональной принадлежности при потере работы

Профессия индивида имеет преимущественное значение для определения его места в социальной структуре. Многочисленные теоретические направления рассматривают различия в таких параметрах, как содержание трудовой деятельности, ее условия, оплата и значимость работы, уровень жизни занятых, которые приводят к вариациям последствий потери работы в отношении динамики самовосприятия [Broschak, Davis-Black, Block 2008; Fineman 1983; Johnson, Mortimer, Lee, Stern 2007; Kessler, Cleary 1980; Strully 2009].

Существующие эмпирические исследования представляют разрозненную картину фактов о взаимосвязи предшествующей профессиональной группы и субъективного благополучия после потери работы. Р. Пейн, П. Вор, Дж. Хартли утверждают, что, несмотря на разный уровень финансового обеспечения, безработица уравнивает различия в восприятии собственного благополучия между работниками из разных профессиональных групп [Payne, Warr, Hartley 1984]. Однако проведенный авторами анализ носит в большей степени описательный характер, а выборка исследования не включает руководителей и высококвалифицированных специалистов. Более аккуратное сравнение самооценок субъективного благополучия представителей различных профессий после потери работы получено в исследовании К. Уилана [Whelan 1994]: была выявлена значимо большая уязвимость субъективного благополучия мужчин, принадлежащих к низкоквалифицированным профессиям, при потере ими работы по сравнению с мужчинами, занятыми

более квалифицированным трудом. В свою очередь, относительно недавнее исследование С. Холда Андерсена, проведенное на данных британского панельного обследования ВНПС, продемонстрировало, что наиболее сильное падение самооценок благополучия наблюдается среди индивидов, находящихся на срединных позициях профессиональной лестницы [*Hald Andersen 2009*].

Разброс эмпирических оценок в указанных работах во многом объясняется тем, что влияние различных параметров рабочих мест в ситуации потери занятости может сказываться на оценке удовлетворенности жизнью разнонаправлено. Так, потеря работы сопряжена не только с исчезновением основного источника средств к существованию, которое, естественно, будет способствовать ухудшению субъективного благополучия, но и предполагает одновременное возникновение ряда экстерналий, которые могут позитивно сказываться на субъективном благополучии: появление большого количества свободного времени, исчезновение постоянного стресса и психологических нагрузок в связи с выполнением должностных обязанностей. Тем самым, связь потери работы и ее последствий для динамики удовлетворенности жизнью является неоднозначной, что представляется недостатком данного подхода, не способного конкретно сформулировать четкие теоретические предпосылки.

В настоящей работе предлагается сузить фокус исследования. Для оценки «социального штрафа» потери работы вместо изменений в оценках удовлетворенности жизнью в целом следует обратиться к анализу динамики в представлениях о собственном социальном статусе. В отличие от показателя удовлетворенности жизнью, данный индикатор описывает более узкий аспект самовосприятия, концентрирующийся на оценке индивидом своего места в обществе, и наличие занятости является его ключевой позитивной составляющей [*Centers 1949; Lindemann 2007*]. На наш взгляд, использование показателя субъективного социального статуса позволит нивелировать те смещения в оценке эффекта от потери работы, которые связаны с влиянием психологических нагрузок, сопровождающих выполнение рабочих обязанностей. В соответствии с обозначенными выше теориями социальной стратификации связь профессии с восприятием социального положения является линейной: чем больший уровень квалификации предполагает занятие определенной профессией, тем выше самооценка социального положения ее представителей. Таким образом, выстраивается иерархия самооценок социального статуса: руководители – высококвалифицированные специалисты – специалисты средней квалификации – неквалифицированные рабочие.

Важно подчеркнуть, что данная тема ранее не рассматривалась ни в эмпирических исследованиях самооценок социального положения, ни в исследованиях последствий потери работы.

Понятие субъективного социального статуса

Понятие субъективного социального статуса возникло в рамках социологического направления, посвященного изучению социальной стратификации [*Leggett 1963; Lewis 1964; Jackman M., Jackman R. 1973*]. Оно отражает восприятие индивидом

собственного места в социальной иерархии [Jackman M., Jackman R. 1973] и измеряется при помощи шкального вопроса, в рамках которого респондента просят указать свое положение в обществе от «1» до «9» (или «10»), где «1» обозначает низшую ступень, а «9» (или «10») – высшую [Kelley, Evans 1995; Adler, Epel 2000]. Для более подробного изучения особенностей восприятия социальной стратификации исследователи также используют и отдельные вопросы относительно различных аспектов социального положения (воспринимаемый уровень влияния на других, стиль жизни, доход, профессия) [Kluegel, Singleton, Starnes 1977].

Субъективный социальный статус характеризует положение индивидов в обществе и предоставляет важную информацию о социальной структуре и социальной динамике, которая не исчерпывается характеристиками денежных доходов и материального благосостояния. Люди в своем поведении зачастую следуют тем практикам, которые оказываются принятыми среди представителей сходного с ними социального статуса [Hout 2008]. Такие нормы поведения из самых разных сфер (круг общения, потребление товаров и услуг, способы проведения досуга, выбор образования для детей) образуют их стиль жизни и в свою очередь влияют на электоральные предпочтения [Carmines, Stanley 1992], восприятие легитимности экономической и политической системы [Della Fave 1980; Shepelak 1987]⁴.

Профессия и положение на рынке труда традиционно рассматриваются в качестве ключевых факторов субъективных оценок социального статуса наряду с образованием и уровнем дохода [Jackman 1979]. При этом управленцы и высококвалифицированные профессионалы высоко оценивают свое социальное положение вне зависимости от особенностей профессиональной структуры конкретного рынка труда, а самооценки безработных оказываются ниже самооценок занятых [Lindemann, Saar 2014].

Согласно предшествующим исследованиям, потеря работы сопряжена со значительным ухудшением показателя субъективного социального статуса [Singh-Manoux Adler, Marmot 2003; Зудина (1) 2013; Зудина (2) 2013]. Анализ данных Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения за 2000–2010 гг. показывает, что безработные обладают наиболее низкими самооценками социального положения из всех возможных категорий статусов на рынке труда. Переход из состояния формальной занятости в безработицу сопровождается наиболее глубоким падением самооценок социального положения. Перемещение из формальной занятости в экономическую неактивность также сопряжено со значимой негативной динамикой восприятия собственного места в обществе, однако она носит менее выраженный характер [Зудина (1) 2013; Зудина (2) 2013].

Итак, безработица и экономическая неактивность оказывают значительное воздействие на самооценку социального положения. Однако, несмотря на установление определенных эмпирических закономерностей, связь между потерей работы и самооценками социального статуса является недостаточно изученной. В частности, остается открытым вопрос о том, какова динамика субъективного социального статуса представителей разных профессий. Выделяются ли профессии,

⁴ Подробный обзор эмпирических исследований субъективного социального статуса представлен в [Зудина (1) 2013; Зудина (2) 2013].

для занятых среди которых потеря работы наиболее болезненна? Как различаются безработица и экономическая неактивность с точки зрения своих последствий для динамики восприятия работников, принадлежащих к различным профессиональным группам?

В данной работе была сделана попытка найти ответы на перечисленные вопросы. Результаты настоящего исследования уточняют представления о «социальном штрафе» безработицы и экономической неактивности в современной России, о социальном положении различных профессиональных групп.

Эмпирическая база исследования и методология анализа

Эмпирическую базу исследования составляют данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения Высшей школы экономики (РМЭЗ НИУ ВШЭ)⁵ за 2000–2012 гг. Он представляет собой ежегодное панельное обследование домохозяйств, осуществляемое Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел-Хилле (США) и Института социологии РАН. База данных содержит информацию о социально-демографических и профессиональных характеристиках респондентов, положении на рынке труда, занятости, потреблении, финансовом поведении, здоровье, удовлетворенности жизнью. Помимо этого, в обследование включены вопросы, направленные на изучение самооценки социального положения, которые представляют первостепенный интерес в контексте настоящей работы.

Сбор данных происходил на основе общенациональной репрезентативной выборки объемом примерно 4000 домохозяйств; в 2010 г. размер выборки был увеличен в 1,5 раза. Панельный характер данных РМЭЗ НИУ ВШЭ имеет ключевое значение в контексте данного исследования, так как позволяет анализировать перемещения одних и тех же работников на рынке труда из состояния занятости в безработицу или экономическую неактивность и связанные с ними изменения в самооценках социального положения. Для выборки представленной работы отбирались респонденты старше 15 лет.

Объектом исследования выступили безработные и экономически неактивные индивиды на российском рынке труда, принадлежавшие до потери работы к различным профессиональным группам. Безработица определялась в соответствии с рекомендациями Международной организации труда (МОТ):

- отсутствие работы;
- ее поиск;
- готовность приступить к работе.

Определение экономической неактивности также следовало критериям МОТ:

- отсутствие работы;
- отказ от поиска работы.

⁵ Описание проекта на сайте НИУ ВШЭ: <http://www.hse.ru/rf/lms/>

В данном исследовании под потерей работы подразумевается утрата занятости, оформленная по официальному трудовому договору или контракту (иными словами, утрата формальной занятости). Важно уточнить, что существующие исследования по российскому рынку труда демонстрируют наличие значительного сектора неформальной занятости, при этом самооценки работников, занятых в нем, значимо отличаются от самооценок представителей формальной занятости [Зудина (1) 2013; Зудина (2) 2013]. Таким образом, объединение представителей разных видов занятости в одну категорию могло привести к значительным смещениям в оценке последствий потери работы, поэтому неформальные работники, теряющие работу, были исключены из объекта исследования.

Центральный вопрос исследования о том, различаются ли последствия потери работы для восприятия собственного статуса людей разных профессий, предполагал необходимость выделения последней профессии респондента в качестве критерия занимаемой им ступени профессиональной лестницы. В контексте исследования интерес представляла последняя профессиональная ступень, так как именно после нее происходило «падение» в статусе и «уравнивание» занятых в состоянии безработного или экономически неактивного индивида⁶.

Для определения последней профессиональной принадлежности использовались данные о квалификационно-должностной позиции респондента, закодированной согласно Международной стандартной классификации профессий ISCO-88 (использовался первый уровень данной классификации), в году, предшествовавшем получению им статуса безработного или экономически неактивного лица. Тем самым имплицитно предполагалось, что индивид не менял профессиональную группу с момента прошлого обследования до момента потери занятости. Если данные о профессиональной принадлежности безработных/экономически неактивных респондентов отсутствовали в предшествующей волне обследования РМЭЗ НИУ ВШЭ, либо в предшествующей волне они также не были занятыми по каким-то причинам, то в исследование они не включались.

Логика объединения занятий в укрупненные профессиональные группы, положенная в основу ISCO-88, базируется на сходстве навыков, которые нужны для выполнения определенной профессиональной деятельности, уровня квалификации и ответственности. При этом ранжирование профессий (от неквалифицированных рабочих к руководителям) в целом отражает усложнение навыков, повышение квалификации и расширение зоны ответственности, необходимых для выполнения профессиональных обязанностей.

Применительно к специфике настоящей работы можно предположить, что чем выше располагается профессия в данной иерархии, тем выше будет самооценка социального положения ее представителей. Данное заключение основывается на результатах предшествующих эмпирических исследований, согласно которым управленцы и высококвалифицированные профессионалы оценивают свой субъективный социальный статус выше, чем работники других профессий. Это также

⁶ Анализ профессиональной мобильности респондентов, предшествующей занятию последней профессиональной ступени, и продолжительности нахождения на ней имеет несомненный исследовательский интерес, однако выходит за рамки настоящей работы.

согласуется и с основными теоретическими подходами, связывающими профессию с социальной структурой, которые были описаны ранее⁷.

Предметом исследования являются самооценки социального положения безработных и экономически неактивных респондентов. В настоящей работе применяется предложенный в ряде статей подход, в котором в качестве индикаторов самооценки социального положения были использованы несколько вопросов регулярной анкеты РМЭЗ НИУ ВШЭ [Зудина (1) 2013; Зудина (2) 2013]. Респондентов просили указать свое положение в обществе в соответствии со степенью обладания определенными характеристиками – благосостоянием, властью и уважением. Эта степень измерялась по 9-балльной шкале. Точные формулировки вопросов приводятся ниже:

1. «Представьте себе, пожалуйста, лестницу из девяти ступеней, где на нижней, первой, ступени, стоят нищие, а на высшей, девятой, – богатые. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?».
2. «А теперь представьте себе, пожалуйста, лестницу из девяти ступеней, где на нижней ступени стоят совсем бесправные, а на высшей – те, у кого большая власть. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?».
3. «И еще одна лестница из девяти ступеней, где на нижней ступени находятся люди, которых совсем не уважают, а на высшей – те, кого очень уважают. На какой из девяти ступеней находитесь сегодня Вы лично?».

Использование данных трех показателей соответствует веберовскому пониманию социального неравенства, согласно которому положение в обществе измеряется множеством атрибутов и не сводится к единому континууму. М. Вебер подчеркивал многопараметрический характер социального неравенства и выделял три основные автономные сферы его формирования: благосостояние, власть и уважение [Weber 1966]. Можно предположить, что переход в безработицу или экономическую неактивность представителей различных профессий должен влиять на восприятие каждой из этих составляющих.

При проведении анализа интегральный показатель самооценки не конструировался по методологическим причинам. Во-первых, тем самым из рассмотрения был бы упущен многопараметрический характер социального неравенства. Во-вторых, методы снижения размерности привели бы к потере значимой информации о вариации показателей, которая в контексте исследования представляет ключевой интерес. В-третьих, необходимо было отметить неизбежные сложности содержательной интерпретации подобного единого показателя самооценки социального положения.

Число наблюдений, касающихся безработных респондентов, которые являлись занятыми в предыдущей волне и предоставили данные о своей профессиональной принадлежности, в 2000–2012 гг. составляло 1282 чел. Количество наблюдений по экономически неактивным респондентам, которые были заняты в предыдущем году и ответили на вопрос о своей профессиональной принадлежности, насчитывало 3165 чел.

⁷ Важно отметить, что для «соседних» профессиональных категорий (к примеру, руководителей и специалистов высшей квалификации) возможны некоторые смещения в воспринимаемом социальном статусе относительно друг друга (см. подробнее <https://www.hse.ru/r/ms/isco>). Однако общая логика распределения самооценок представителей разных профессий, тем не менее, вполне укладывается в описанный континуум.

Эмпирическая часть исследования была связана с оцениванием моделей с фиксированными эффектами⁸ (данная эконометрическая модель широко используется исследователями при изучении субъективных последствий потери работы (см., напр., [Knabe, Ratzel 2011; Mavridis 2012]). Подобное оценивание предполагает анализ изменения значений зависимой переменной, происходящее в ответ на динамику независимых параметров одного и того же индивида на панельных данных [Wooldridge 2002]. Таким образом, становится возможным моделирование последствий перемещения в безработицу или экономическую неактивность из состояния занятости в различных профессиональных группах для одних и тех же лиц. Одним из основных достоинств модели с фиксированными эффектами является устранение влияния неизменных индивидуальных ненаблюдаемых характеристик, которые могут приводить к смещениям в получаемых оценках. Эти ненаблюдаемые характеристики способны влиять как на вероятность потери работы, так и на уровень самооценки собственного статуса⁹.

В настоящей работе данные 13 волн обследования РМЭЗ НИУ ВШЭ были объединены в одну несбалансированную панель, а потом разделены на две отдельные подвыборки в зависимости от того, в каком из вариантов незанятости респондент оказывался после потери работы. Так, в первую подвыборку были отобраны те опрошенные, которые хотя бы один раз за 13 лет наблюдались в двух последовательных годах, в первом из которых они имели работу, а во втором были безработными. Аналогично во вторую подвыборку вошли те респонденты, которые за анализируемые 13 лет хотя бы один раз наблюдались в двух последовательных годах, в первом из которых они были заняты, а во втором – экономически неактивны. Следует уточнить, что модели с фиксированными эффектами были оценены на каждой из этих двух подвыборок для мужчин и женщин отдельно.

Общая спецификация линейной модели с фиксированными эффектами имеет следующий вид:

$$y_{it} = \alpha_i + X_{it}\beta + \varepsilon_{it}, \quad (1)$$

где y_{it} – зависимая переменная для наблюдения i в момент времени t (одна из трех самооценок социального положения, например, субъективного уважения),

⁸ Признавая порядковый характер зависимой переменной, мы, тем не менее, оценивали линейные модели с фиксированными эффектами, которые используются в тех случаях, когда зависимые переменные и случайные ошибки имеют нормальное распределение (т.е. для интервальных данных). Оценивание таких моделей на порядковых данных потенциально может приводить к получению смещенных коэффициентов. Однако в рамках настоящего анализа использование линейных моделей с фиксированными эффектами было продиктовано необходимостью установить факт наличия значимого влияния перехода из определенной профессиональной группы в безработицу и самооценками социального положения. Помимо этого, большое количество эмпирических исследований порядковых субъективных индикаторов свидетельствует о значительном сходстве оценок, получаемых при помощи линейных моделей с фиксированными эффектами и панельном порядковом логите (или пробите).

⁹ Однако неучтенными остаются важные проблемы, связанные с возможностью обратного влияния. А. Гудман, Р. Джойс, Дж. Смит показывают, что уровень субъективного благополучия в раннем возрасте значимо влияет на последующие достижения на рынке труда [Goodman, Joyce, Smith 2011]. Помимо этого, модель с фиксированными эффектами не способна учесть воздействие ненаблюдаемых изменяющихся характеристик, которые могут влиять как на вероятность потери работы, так и на субъективный социальный статус.

X – набор независимых объясняющих переменных, β – оценки параметров, α_i – индивидуальный эффект наблюдения i , не зависящий от времени t , ε_{it} – случайная ошибка. Зависимой переменной выступали различные индикаторы самооценки социального положения: оценивались три отдельных уравнения.

Ключевой независимой переменной в контексте работы выступил индикатор, описывающий все возможные варианты перехода из состояния занятости в состояние безработицы (или для подвыборки экономически неактивных респондентов – в состояние неактивности). Эта переменная принимала десять различных значений, девять из которых (в соответствии с 1-м уровнем структуры профессий по Международной стандартной классификации занятости (ISCO)¹⁰) описывали профессиональную принадлежность респондента за год до потери работы:

1. руководители;
2. специалисты высшей квалификации;
3. специалисты средней квалификации;
4. служащие;
5. занятые в сфере обслуживания;
6. квалифицированные работники сельского хозяйства;
7. квалифицированные рабочие;
8. полуквалифицированные рабочие;
9. неквалифицированные рабочие.

Значение «10» было выбрано в качестве базы для сравнения и обозначало тип незанятости респондента: например, в случае оценивания регрессионной модели на подвыборке тех, кто становился безработным, значение «10» означало безработицу. Тем самым моделировалась ситуация попадания в позицию «безработица/неактивность» из прошлогоднего состояния занятости в различных профессиональных группах. Подобное конструирование переменной при изучении влияния предшествующей профессиональной принадлежности на самооценки было предложено Холдом Андерсеном [*Hald Andersen 2009*] и протестировано на данных 14 волн панельного обследования WHPS. Оно обуславливалось общей логикой исследования, направленной на сравнение эффектов потери занятости среди безработных, ранее принадлежавших к различным профессиональным группам. Таким образом, ключевой исследовательский интерес был сосредоточен на сравнительном анализе влияния потери занятости на самооценки различных групп индивидов, для которых это событие уже наступило¹¹.

На примере каждой из подвыборок респондентов были оценены две группы регрессионных моделей. В моделях группы 1 в качестве регрессоров были включены такие характеристики, как возрастная группа, семейное положение¹², уро-

¹⁰ Военнослужащие были исключены из эмпирического анализа в силу специфики условий и характера занятости данной профессиональной группы.

¹¹ Тем самым подчеркивается, что сравнение показателей самооценки индивидов, теряющих работу, с аналогичными показателями тех представителей профессиональных групп, кто сохранил занятость, не являлось целью работы [*Hald Andersen 2009*], а также настоящей статьи.

¹² Использовалась дамми-переменная, описывающая, состоит ли респондент в браке (неважно, зарегистрированы отношения или нет). Разведенные и вдовье респонденты, а также те, кто состояли в официально зарегистрированном браке, но не проживали совместно, были отнесены в категорию не состоящих в браке.

вень образования, самооценка здоровья¹³ (фиксирует изменения в субъективном состоянии здоровья в целом, а, следовательно, также отслеживает динамику воспринимаемой трудоспособности), тип населенного пункта, федеральный округ, дамми-переменные года наблюдения. Эти характеристики соответствуют традиционному набору параметров, которые контролируются при изучении различных явлений рынка труда и субъективного социального статуса.

В моделях группы 2, помимо уже названных регрессоров, была включена переменная нетрудового дохода респондента. Согласно предшествующим исследованиям, материальное положение является одним из важнейших факторов субъективного социального статуса, поэтому в исследования в качестве контрольной переменной зачастую добавляется характеристика дохода респондента (зарплата, душевой доход или доход домохозяйства). Однако включение переменной зарплаты при изучении последствий потери работы невозможно (т.к. у безработных и экономически неактивных респондентов его значение равно нулю). Попытка включения в модель переменной среднедушевого размера дохода домохозяйства респондента приводит в свою очередь к значительной мультиколлинеарности данных. Это сопряжено с тем, что даже при наличии значительных нетрудовых доходов общая сумма всех доходов домохозяйства уменьшается на величину заработной платы индивида, потерявшего работу. Переход в безработицу или экономическую неактивность сам по себе коррелирует с изменением среднедушевого дохода.

В настоящей статье в качестве меры материального положения респондента, теряющего работу, была использована переменная, описывающая натуральный логарифм его нетрудового дохода. Под нетрудовым доходом понималась сумма доходов, полученных домохозяйством респондента из всех источников в течение последних 30 дней. В период, предшествующей потере работы респондента, из данной суммы дополнительно вычиталась его заработная плата на основной работе. Показатель нетрудового дохода был дефлирован при помощи региональных индексов потребительских цен и приведен к ценам 2000 г.

Ключевое предположение настоящего исследования заключается в том, что потеря работы будет оказывать понижающее воздействие на самооценки социального положения. Однако с какой высоты при этом падать «больнее»?

Основная гипотеза исследования состоит в том, что для высококвалифицированных работников потеря работы скажется на представлениях о своем месте в обществе более болезненно, чем для низкоквалифицированных. Они занимают более высокое положение в профессиональной иерархии, с которым оказываются сопряжены высокие самооценки власти, уважения и материального благосостояния. Утрата занятости как основания для принадлежности к профессиональной группе, тем самым, будет приводить к исчезновению причин высокой самооценки. В противоположность высококвалифицированным работникам неквалифицированные представители рынка труда и в ситуации занятости оценивают невысоко свое социальное положение по всем параметрам, и поэтому потеря занятости будет сопряжена с меньшим падением самооценки.

¹³ В качестве самооценки здоровья использовался ответ на вопрос «Были у Вас в течение последних 30 дней какие-либо проблемы со здоровьем?».

Еще одна гипотеза исследования касается различий перехода в безработицу и экономическую неактивность. Можно предположить, что экономическая неактивность будет оказывать менее выраженное понижающее влияние на самооценки социального положения, так как соответствующий переход является, скорее, добровольным решением, отвечающим текущим целям и потребностям (выход на пенсию, создание семьи, воспитание детей, получение дополнительного образования). Правомерность этой гипотезы подтверждают и данные РМЭЗ НИУ ВШЭ в период 2006–2012 гг., посвященные причинам прекращения занятости. Они свидетельствуют, что наиболее распространенными факторами ухода с рынка труда являются выход на пенсию, семейные обстоятельства и состояние здоровья. Среди причин безработицы, в свою очередь, доминируют объяснения, связанные с низкой зарплатой, увольнениями и ликвидацией предприятия.

Динамика субъективного социального статуса: проигрывают не все?

Одной из отличительных особенностей российского рынка труда в последние десятилетия были небольшие показатели уровня безработицы, которые стали результатом как низкой вероятности потери работы, так и недолгой средней продолжительности пребывания в состоянии безработицы. Новейшие исследования потоков рабочей силы на российском рынке труда также свидетельствуют о том, что безработица отнюдь не является однозначно безвыходным состоянием [Гимпельсон, Шарунина 2015]¹⁴. Тем не менее, данные процессы развивались на фоне значительного сокращения рабочих мест в формальном секторе и интенсивного расширения неформальной занятости. Вследствие этого в настоящий момент особый интерес представляет выяснение относительного «штрафа» потери занятости для самооценки социального статуса работающего населения.

Говоря о профессиональных различиях в рисках потери работы, важно отметить, что в интересующий нас период 2000–2012 гг. наибольшая вероятность безработицы в последующем году была характерна для неквалифицированных рабочих, а также занятых в сфере обслуживания [Зудина 2015]. На российском рынке труда указанные профессии входят в число наиболее массовых категорий сосредоточения занятых. Наибольшая вероятность перехода в экономическую неактивность в следующем периоде также оказывается характерной для неквалифицированных рабочих, а также занятых в сфере обслуживания, квалифицированных работников сельского хозяйства и служащих [Зудина 2015]¹⁵.

Как отмечалось выше, исследования зарубежных авторов демонстрируют более низкие средние самооценки безработных и экономически неактивных по сравнению с занятым населением. Не является исключением и Россия. Анализ базы РМЭЗ

¹⁴ В статье В.Е. Гимпельсона, А.В. Шаруниной «Потоки на российском рынке труда» [Гимпельсон, Шарунина 2015] представлен подробный анализ потоков рабочей силы на российском рынке труда. В частности, демонстрируется, что лишь менее 20% безработных задерживались в этом состоянии на срок более года.

¹⁵ Социально-демографический портрет типичного безработного и экономически неактивного респондента в разрезе предшествующей профессиональной группы представлен в [Зудина 2015].

НИУ ВШЭ показывает, что средние самооценки безработных и экономически неактивных зачастую оказываются ниже, чем соответствующие значения большинства занятых по всем трем отобраным индикаторам субъективного социального статуса. При этом представления о собственном материальном положении и власти неквалифицированных рабочих оказываются близки особенностям восприятия безработных и экономически неактивных респондентов, и различия в средних самооценках между этими группами зачастую оказываются незначимы¹⁶. Наиболее высокие самооценки материального положения и власти ожидаемо оказываются характерны для руководителей; остальные профессиональные группы располагаются на континууме между двумя данными полюсами. Однако важно отметить, что, несмотря на наличие выраженных различий в средних самооценках между отдельными профессиональными группами, самооценки остаются достаточно низкими.

Как было показано в ряде статей, самооценки уважения являются отдельным атрибутом восприятия собственного места в обществе [Зудина (1) 2013; Зудина (2) 2013]. Средние по данному показателю самооценки характеризуются высокими значениями во всех рассматриваемых группах, включая безработных и экономически неактивных. По всей видимости, это свидетельствует о том, что представления об уважении к себе – это тот оплот самоидентификации, от которого индивиды откажутся в последнюю очередь. Наиболее высокие средние самооценки вновь наблюдались в группе руководителей (6,3–7 баллов по 9-балльной шкале), однако среди безработных и неквалифицированных рабочих средние показатели также располагались выше середины шкалы (5,7–6 баллов). При этом самооценки уважения представителей экономически неактивного населения оказываются значимо выше показателей безработного населения, что соответствует результатам предшествующих исследований, согласно которым экономическая неактивность в некоторых случаях предполагает легитимные основания для незанятости в глазах общества (трудова пенсия по старости, уход за ребенком) [Young 2012]. Описанные различия отражают разрыв в средних самооценках между занятыми, безработными и экономически неактивными респондентами в данный момент времени, однако не могут свидетельствовать об изменениях, происходящих с восприятием респондентов при потере работы.

Ниже будут показаны результаты оценивания моделей с фиксированными эффектами, полученными на подвыборках тех респондентов РМЭЗ, которые хотя бы раз теряли работу в период 2000–2012 гг.¹⁷. Это позволит проанализировать причинно-следственную связь между потерей работы и динамикой самооценок при прочих равных условиях. Рассмотрим вначале соответствующие результаты¹⁸ по безработным индивидам. Необходимо напомнить, что вначале в оцениваемых моделях нетрудовой доход респондента не учитывался.

¹⁶ Таким образом, даже простое сравнение средних самооценок свидетельствует о нарушении базовой предпосылки о параллельности трендов. Тем самым методически невозможным становится анализ при помощи оценивания методом разности разностей или двойной разности разностей, то есть анализ, при котором можно было бы сравнивать показатели динамики самооценки тех, кто сохранил работу в следующем периоде, с теми, кто теряет работу в следующем периоде.

¹⁷ Динамика средних самооценок безработных и экономически неактивных респондентов по профессиональным группам до и после потери работы представлена на *рисунках 1–6* Приложения. Значимые различия в самооценках на основе попарного Т-теста отмечены «стрелками».

¹⁸ В таблицах с результатами оценки регрессионных моделей приводятся нестандартизованные коэффициенты.

Вопреки исследовательским предположениям, значимая динамика в самовосприятии респондентов между состояниями занятости и безработицы носит крайне фрагментарный характер и наблюдается лишь в отдельных профессиональных группах (*таблица 1*, см. на стр. 170). Тем не менее выявленные различия весьма любопытны, а в самих последствиях потери работы можно выделить определенные гендерные отличия.

Так, среди мужчин – бывших представителей рабочих профессий при переходе в состояние безработицы самооценка материального положения снижается на 0,5–0,6 балла по 9-балльной шкале¹⁹. Выделяется и категория бывших специалистов средней квалификации, также отметивших падение самооценки по этому показателю (на 0,7 балла, значимое только на 10-процентном уровне). При этом подавляющее большинство женщин, переходящих из состояния занятости в безработицу, вообще не испытывает значимого ухудшения самооценки материального положения. Исключения составляют только женщины – бывшие специалисты высшей квалификации, для которых оказывается характерно снижение самооценки материального положения на 0,4 балла (значимое на 10-процентном уровне). Именно эта категория безработных женщин отмечает некоторое ухудшение самооценки власти (на 0,5 балла), в то время как бывшие представительницы других профессий и безработные мужчины в целом вообще не демонстрирует значимого ослабления по этому показателю.

Согласно результатам оценивания панельных регрессий при потере работы самооценка уважения значимо ухудшается среди мужчин – бывших представителей таких несхожих профессий, как неквалифицированные рабочие (-0,5 балла по 9-балльной шкале), занятые в сфере обслуживания и руководители (-0,9 балла и -0,7 балла соответственно, значимые на 10-процентном уровне). С другой стороны, согласно результатам регрессионного анализа, самооценка уважения бывших квалифицированных работников сельского хозяйства даже улучшается после потери работы, однако соответствующий парадоксальный результат может являться статистическим артефактом и объясняться небольшим размером данной группы безработных мужчин. Женщины в большинстве своем не демонстрируют каких-либо четко выраженных различий между состояниями занятости и безработицы в восприятии уважения, испытываемого по отношению к себе со стороны других. Можно отметить только женщин – бывших специалистов средней квалификации, самооценка уважения которых снижается на 0,5 балла при переходе в безработицу (значима на 10-процентном уровне).

Включение в регрессионное уравнение показателя нетрудового дохода позволило уточнить полученные результаты, а также продемонстрировало неустойчивость влияния предшествующей профессиональной группы на динамику самооценки (*таблица 2*, см. на стр. 171). Учет материального положения семьи наряду с другими индивидуальными характеристиками при прочих равных условиях приводит к тому, что представление о собственном материальном положении при переходе в безработицу значимо ухудшается только у мужчин – бывших представителей рабочих профессий. При этом размер падения соответствующей самооценки значительно увеличивается по сравнению с результатами, полученными без учета

¹⁹ Большинство коэффициентов в *таблице 1* здесь и далее принимают положительные значения, так как категорией для сравнения выступало состояние безработицы или неактивности. Таким образом, коэффициенты буквально показывают, насколько самооценки незанятых превышают соответствующие показатели на момент занятости на последней работе.

нетрудового дохода (разрыв в самооценках между занятостью и безработицей по данным группам теперь составляет от -0,7 до -1,2 балла). Однако по остальным показателям значимая динамика в восприятии своего социального положения между состояниями занятости и безработицы у мужчин исчезает. Для большинства женщин, переходящих в состояние безработицы, какие-либо значимые отличия в восприятии материального положения, власти или уважения по сравнению с занятостью оказываются вообще нехарактерными²⁰.

Таким образом, влияние бывшей профессиональной принадлежности на субъективный социальный статус при переходе в безработицу не затрагивает все группы безработных, проявляется лишь на отдельных ступенях профессиональной иерархии и в значительной степени ограничивается восприятием собственного материального положения.

Перейдем теперь к рассмотрению результатов оценивания моделей с фиксированными эффектами для подвыборки экономически неактивного населения (таблица 3, см. на стр. 172). Вопреки исследовательской гипотезе, уход с рынка труда оказывает более выраженное воздействие на динамику самооценок индивидов по сравнению с ситуацией безработицы, захватывая большее число категорий респондентов. Так, наблюдается негативная тенденция в восприятии собственного материального положения среди мужчин, ранее принадлежавших к категории руководителей (-0,6 балла), специалистов средней квалификации (-0,5 балла), занятых в сфере обслуживания (-0,7 балла), квалифицированных и полуквалифицированных рабочих (-0,3 балла). Выраженная значимая неблагоприятная динамика в восприятии собственной власти при прочих равных условиях при уходе с рынка труда оказалась характерна для мужчин – бывших руководителей (-0,7 балла) и специалистов средней квалификации (-0,4 балла, значимое на 10-процентном уровне). Снижение самооценки уважения отмечалось и в группах бывших специалистов средней квалификации и квалифицированных рабочих.

Ухудшение субъективного социального статуса при уходе с рынка труда оказалось характерно также и для женщин. Наиболее выраженные негативные последствия перехода в экономически неактивное состояние наблюдались среди бывших руководителей (самооценка материального положения снизилась на 0,7 балла, самооценка власти – на 1 балл, самооценка уважения – на 0,8 балла), специалистов высшей квалификации (самооценка материального положения и уважения ухудшились на 0,3 балла), а также специалистов средней квалификации (самооценка материального положения упала на 0,3 балла). Среди бывших представительниц других профессиональных групп значимой негативной динамики выявлено не было.

Включение в число контрольных характеристик параметра нетрудового дохода респондента приводит к исчезновению некоторых перечисленных значимых различий между состояниями занятости и экономической неактивности для бывших представителей различных профессий (таблица 4, см. на стр. 173). Таким образом, мы вновь наблюдаем проявление неустойчивости влияния предшествующей профессиональной группы на динамику восприятия субъективного социального статуса.

²⁰ Некоторым исключением является только параметр уважения, который, при контроле нетрудового дохода респондентов, значимо улучшается (!) в состоянии безработицы среди бывших специалистов высшей квалификации, служащих и неквалифицированных рабочих.

Таблица 1. Модели с фиксированными эффектами, безработное население, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2000–2012 гг., без учета материального положения домохозяйства респондента

Предшествующая профессиональная группа	Модели группы 1											
	Субъективное благосостояние				Субъективная власть				Субъективное уважение			
	мужчины		женщины		мужчины		женщины		мужчины		женщины	
	коэф.	ст. ош.	коэф.	ст. ош.	коэф.	ст. ош.	коэф.	ст. ош.	коэф.	ст. ош.	коэф.	ст. ош.
Руководители	0,30	0,38	0,14	0,34	0,69	0,44	0,26	0,57	0,7*	0,41	0,04	0,77
Специалисты высшей квалификации	0,16	0,40	0,39*	0,23	0,20	0,54	0,47*	0,24	0,11	0,37	-0,02	0,26
Специалисты средней квалификации	0,72*	0,35	0,14	0,20	0,36	0,48	0,29	0,22	0,50	0,38	0,49**	0,21
Служащие	0,58	0,62	0,10	0,30	0,96	0,78	0,27	0,22	-0,35	0,51	-0,04	0,27
Занятые в сфере обслуживания	0,37	0,47	-0,02	0,16	0,02	0,52	0,03	0,20	0,84*	0,45	0,15	0,16
Квалифицированные с/х работники	0,64	0,57	–	–	-0,26	0,23	–	–	-0,69*	0,36	–	–
Квалифицированные рабочие	0,47***	0,15	0,30	0,27	-0,14	0,19	0,06	0,42	0,07	0,21	0,35	0,39
Полуквалифицированные рабочие	0,6***	0,16	0,29	0,32	0,33	0,21	-0,09	0,27	0,05	0,20	0,18	0,29
Неквалифицированные рабочие	0,54***	0,18	0,19	0,21	0,26	0,21	0,15	0,22	0,53**	0,21	0,08	0,26
Число наблюдений	954		952		941		936		914		924	
Число групп	537		539		534		535		525		529	
Within r2	0,14		0,07		0,08		0,07		0,15		0,07	
Sigma u	1,47		1,22		1,54		1,40		1,86		1,65	
Sigma e	1,12		1,13		1,37		1,21		1,26		1,23	
Rho	0,63		0,54		0,56		0,57		0,68		0,64	

Примечания:

в моделях группы 1 контролируются возрастная группа, уровень образования, самооценка здоровья, семейное положение, федеральный округ проживания, тип поселения, годовые дамми-переменные;

* p<0.1;

** p<0.05;

*** p<0.01.

Таблица 2. Модели с фиксированными эффектами, безработное население, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2000–2012 гг., с учетом материального положения домохозяйства респондента

Предшествующая профессиональная группа	Модели группы 2											
	Субъективное благосостояние				Субъективная власть				Субъективное уважение			
	мужчины		женщины		мужчины		женщины		мужчины		женщины	
	коэф.	ст. ош.	коэф.	ст. ош.	коэф.	ст. ош.	коэф.	ст. ош.	коэф.	ст. ош.	коэф.	ст. ош.
Руководители	0,87	0,74	-0,85	0,67	0,42	0,85	-1,28	0,53	1,40	0,87	-0,96	1,65
Специалисты высшей квалификации	-0,10	0,59	0,36	0,46	-0,57	0,69	0,20	0,50	-0,84	0,67	-1,3***	0,40
Специалисты средней квалификации	-0,26	0,94	-0,16	0,40	-0,06	0,84	-0,33	0,40	-1,06	0,80	-0,12	0,38
Служащие	0,32	0,89	-0,16	0,58	1,91	1,21	-0,29	0,48	-0,35	0,88	-0,69*	0,38
Занятые в сфере обслуживания	1,1*	0,61	-0,41	0,32	-0,23	0,73	-0,51	0,48	0,72	0,92	-0,42	0,29
Квалифицированные с/х работники	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
Квалифицированные рабочие	1,18***	0,28	0,21	0,79	0,13	0,34	-0,65	0,63	0,03	0,55	-0,60	0,44
Полуквалифицированные рабочие	0,68**	0,31	0,45	0,56	0,19	0,38	-0,43	0,42	0,02	0,58	-0,47	0,52
Неквалифицированные рабочие	0,82***	0,30	-0,28	0,54	0,30	0,35	-0,21	0,56	0,48	0,52	-0,92**	0,44
Число наблюдений	478		498		471		490		457		483	
Число групп	337		341		335		335		327		331	
Within τ^2	0,30		0,18		0,18		0,16		0,30		0,18	
Sigma u	1,82		1,31		2,15		1,71		2,31		2,25	
Sigma e	1,09		1,13		1,23		1,22		1,39		1,10	
Rho	0,74		0,58		0,76		0,66		0,73		0,81	

Примечания:

в моделях группы 2 к числу контрольных переменных добавляется логарифм нетрудового дохода респондента;

* $p < 0.1$;

** $p < 0.05$;

*** $p < 0.01$.

Таблица 3. Модели с фиксированными эффектами, экономически неактивное население, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2000–2012 гг., без учета материального положения домохозяйства респондента

Предшествующая профессиональная группа	Модели группы 1											
	Субъективное благосостояние				Субъективная власть				Субъективное уважение			
	мужчины		женщины		мужчины		женщины		мужчины		женщины	
	коэф.	ст. ош.	коэф.	ст. ош.	коэф.	ст. ош.	коэф.	ст. ош.	коэф.	ст. ош.	коэф.	ст. ош.
Руководители	0,64***	0,21	0,67**	0,28	0,70**	0,30	0,96***	0,28	0,04	0,25	0,82***	0,24
Специалисты высшей квалификации	0,25	0,20	0,26**	0,12	0,10	0,24	0,21	0,13	0,35	0,27	0,29**	0,14
Специалисты средней квалификации	0,50***	0,19	0,33***	0,11	0,44*	0,25	0,19	0,13	0,98***	0,26	0,19	0,13
Служащие	0,31	0,36	-0,03	0,13	-0,32	0,50	-0,04	0,16	-0,10	0,36	0,16	0,18
Занятые в сфере обслуживания	0,68**	0,28	-0,08	0,09	0,49	0,31	0,02	0,11	0,70	0,45	0,15	0,11
Квалифицированные с/х работники	-0,07	0,59	0,12	0,24	-0,15	0,64	-0,18	0,24	-0,29	0,53	-0,03	0,18
Квалифицированные рабочие	0,33**	0,14	-0,20	0,22	0,15	0,16	-0,41*	0,24	0,48***	0,15	0,06	0,28
Полуквалифицированные рабочие	0,27**	0,12	-0,07	0,19	0,04	0,13	0,24	0,21	0,25	0,15	0,13	0,22
Неквалифицированные рабочие	0,09	0,09	-0,07	0,08	-0,02	0,11	-0,13	0,09	0,08	0,15	0,06	0,11
Число наблюдений	1816		2942		1802		2902		1764		2869	
Число групп	1013		1577		1010		1565		1000		1556	
Within r2	0,06		0,04		0,04		0,04		0,07		0,04	
Sigma u	1,29		1,30		1,58		1,43		1,80		1,50	
Sigma e	1,08		1,08		1,24		1,27		1,33		1,28	
Rho	0,59		0,59		0,62		0,56		0,65		0,58	

Примечания:

в моделях группы 1 контролируются возрастная группа, уровень образования, самооценка здоровья, семейное положение, федеральный округ проживания, тип поселения, годовые дамми-переменные;

* p<0.1;

** p<0.05;

*** p<0.01.

Таблица 4. Модели с фиксированными эффектами, экономически неактивное население, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2000–2012 гг., с учетом материального положения домохозяйства респондента

Предшествующая профессиональная группа	Модели группы 2											
	Субъективное благосостояние				Субъективная власть				Субъективное уважение			
	мужчины		женщины		мужчины		женщины		мужчины		женщины	
	коэф.	ст. ош.	коэф.	ст. ош.	коэф.	ст. ош.	коэф.	ст. ош.	коэф.	ст. ош.	коэф.	ст. ош.
Руководители	0,88***	0,31	0,58	0,41	0,99	0,65	1,46***	0,41	0,29	0,72	0,92*	0,48
Специалисты высшей квалификации	0,21	0,35	0,07	0,22	0,35	0,45	-0,08	0,26	0,75	0,50	0,02	0,25
Специалисты средней квалификации	0,45*	0,23	-0,18	0,20	0,97***	0,28	-0,26	0,22	0,99**	0,38	-0,04	0,24
Служащие	-0,42	0,67	-0,11	0,26	-0,89	0,98	-0,07	0,30	0,01	0,35	0,13	0,37
Занятые в сфере обслуживания	1,27***	0,41	-0,23	0,19	1,74***	0,65	-0,13	0,20	2,36***	0,43	0,07	0,20
Квалифицированные с/х работники	-2,57***	0,30	-	-	-1,58***	0,40	-	-	-	-	-	-
Квалифицированные рабочие	-0,07	0,25	-0,60	0,44	0,30	0,28	-0,38	0,48	0,45	0,30	0,01	0,63
Полуквалифицированные рабочие	0,08	0,24	-0,45	0,38	0,11	0,23	-0,03	0,44	0,71**	0,30	0,63**	0,30
Неквалифицированные рабочие	0,04	0,20	-0,28	0,19	0,01	0,25	-0,44**	0,19	0,46	0,33	-0,16	0,24
Число наблюдений	882		1506		872		1489		849		1479	
Число групп	603		1004		599		998		586		987	
Within r^2	0,12		0,08		0,13		0,09		0,15		0,08	
Sigma u	1,49		1,43		1,95		1,62		1,87		1,65	
Sigma e	1,06		1,10		1,20		1,25		1,36		1,30	
Rho	0,66		0,63		0,73		0,63		0,65		0,62	

Примечания:

в моделях группы 2 к числу контрольных переменных добавляется логарифм нетрудового дохода респондента;

* $p < 0.1$;

** $p < 0.05$;

*** $p < 0.01$.

Так, при включении в модель показателя материального положения домохозяйства оказывается, что в наибольшей степени страдают от ухода с рынка труда отнюдь не бывшие руководители, а мужчины, ранее занятые в сфере обслуживания. Их самооценка материального положения при прочих равных условиях значительно снижается на 1,3 балла, самооценка власти – на 1,7 балла, а самооценка уважения – на 2,4 балла. Важно отметить, что указанные коэффициенты значительно превышают значения, полученные при оценке модели без эффекта дохода. Выделяется и категория бывших специалистов средней квалификации: они также демонстрируют ухудшение значений всех трех индикаторов субъективного социального статуса, при этом самооценка власти и уважения падает после перехода в состояние неактивности почти на 1 балл. Значимые негативные последствия для восприятия собственного статуса для мужчин – бывших руководителей теперь ограничиваются лишь значимым снижением самооценки собственного материального положения (-0,9 балла). При уходе с рынка труда значимое снижение самооценки уважения также испытывают бывшие полуквалифицированные рабочие. Для бывших квалифицированных работников сельского хозяйства переход в экономическую неактивность приводит к росту самооценки: значимо увеличивается показатель субъективного благосостояния и власти (на 2,6 и 1,6 балла соответственно).

В противоположность мужчинам женщины, ушедшие с рынка труда, зачастую не испытывают столь примечательного изменения в представлениях о своем месте в обществе. Можно выделить категорию бывших руководительниц, демонстрирующих снижение самооценки власти (на 1,5 балла) и самооценки уважения (на 0,9 балла, значимое на 10-процентном уровне), а также женщин – бывших полуквалифицированных рабочих (самооценка уважения снижается на 0,6 балла). Примечательно, что при неизменном нетрудовом доходе для большинства женщин, покидающих рынок труда, данный переход не сопровождается никакими значимыми негативными изменениями в субъективном социальном статусе. Для представительниц категории неквалифицированных рабочих переход в экономически неактивное состояние оказывается сопряжен со значимым ростом самооценки власти (на 0,4 балла).

Подводя итог результатам настоящего анализа, можно сказать, что безработица и экономически неактивное состояние действительно сильно различаются с точки зрения своих последствий для самооценки индивида, несмотря на сходный понижающий эффект. Наблюдается и определенная дифференциация в структуре профессиональных групп, представители которых отмечают негативные последствия в воспринимаемом социальном положении при потере работы. Так, вопреки исследовательской гипотезе, безработица оказывается связана со значимым ухудшением субъективного социального статуса исключительно для мужчин, которые ранее принадлежали к рабочим профессиям. При этом восприятие материального положения для них является единственным аспектом субъективного социального статуса, на который влияет потеря работы. В свою очередь, уход с рынка труда наиболее остро переживается бывшими руководителями (как мужчинами, так и женщинами); мужчинами, ранее принадлежавшими к категории специалистов средней квалификации; мужчинами, занятыми в сфере обслуживания, и полуквалифицированными рабочими обоих полов. Говоря о гендерных различиях при обсуждении темы последствий потери работы, следует отметить, что при неизменном нетрудовом доходе для

подавляющего большинства женщин переход в неактивность, как и в безработицу, не сопровождается выраженными негативными последствиями с точки зрения восприятия своего места в обществе.

Заключение

Настоящее исследование было посвящено выявлению возможного влияния профессии, к которой индивид принадлежал до потери работы, на динамику субъективного социального статуса после потери работы. Исследование продемонстрировало, что «социальный штраф» потери работы на современном российском рынке труда значительно различается в зависимости от «пункта прибытия» (безработица или экономическая неактивность), а также неравномерно распределен среди различных профессиональных групп.

Основываясь на существующих теориях социальной стратификации, можно было ожидать, что понижающий эффект безработицы для субъективного социального статуса будет неравномерно распределен среди представителей различных профессиональных групп, однако будет наблюдаться в той или иной степени среди всех индивидов, потерявших работу.

Вопреки исследовательским предположениям, было установлено, что безработица оказывает гораздо более скромный эффект на субъективный социальный статус. Ее негативные последствия отнюдь не затрагивают всю иерархию существующих профессиональных категорий. Они устойчиво²¹ проявляются лишь среди мужчин – представителей рабочих профессий, риск безработицы среди которых превышает средние показатели по российскому рынку труда. Тем самым исходная исследовательская гипотеза, согласно которой для высококвалифицированных работников потеря работы будет более болезненной, чем для низкоквалифицированных, была отвергнута.

Причины отсутствия устойчивых значимых различий в самооценках социального статуса при переходе из состояния занятости в безработицу в остальных профессиональных группах должны стать темой последующих исследований в рамках данного направления. Можно предположить, что они могут лежать как в области спроса, так и в области предложения труда. Значительная часть оборота рабочей силы в настоящий момент наблюдается между состояниями занятости и экономической неактивности, минуя безработицу. Это связано как с ограниченностью системы поддержки безработных, так и с дефицитом вакансий, доступных для поиска из состояния безработицы [Гимпельсон, Шарунина 2015]. Как следствие – безработица в настоящий момент является наименее привлекательным статусом на российском рынке труда. Переход в данное состояние, вероятно, во многом объясняется спецификой ненаблюдаемых характеристик индивидов, не позволивших им найти новое место, будучи занятыми на последней работе. Причины попадания в безработицу, тем самым, могут быть связаны и с особенностями предшествую-

²¹ Под устойчивыми результатами здесь и ниже понимаются значимые коэффициенты, которые воспроизводятся как в моделях группы 1, так и моделях группы 2.

щего рабочего места, и с квалификацией и навыками самих безработных. В этом отношении обращает на себя внимание низкий средний уровень самооценок социального положения индивидов, который наблюдался уже за год до перехода в состояние безработицы (*рисунки 1–3* Приложений), благодаря которому сам факт потери работы не стал резким шоком для субъективного социального статуса.

Перемещение в экономическую неактивность оказалось сопряжено с гораздо более выраженными негативными последствиями для самооценки: так, уход с рынка труда приводит к устойчивому ухудшению самооценки бывших руководителей обоих полов, а также мужчин, ранее принадлежавших к категории специалистов средней квалификации и занятых в сфере обслуживания, что объясняется преимущественной ролью занятости и трудовых достижений в формировании самоидентификации представителей данных профессиональных групп. Уход с рынка труда для них – это большие репутационные потери, из-за которых исчезновение занятости чувствуется наиболее остро.

Восприятие занятых из других профессий, включая рабочие, значимо не изменяется в связи с уходом с рынка труда. Несмотря на то, что самооценки экономически неактивного населения в целом ниже, чем у занятого, данный переход при прочих равных условиях не связан для них с драматическими изменениями воспринимаемого социального положения. Это в целом согласуется с результатами предшествующих исследований, согласно которым перемещение в состояние экономической неактивности определяется целями и предпочтениями самого индивида по прерыванию трудовой карьеры и не рассматривается в качестве шока. В этом отношении важно подчеркнуть, что причины перехода в статус экономической неактивности могут быть весьма разнообразными: среди бывших занятых есть те, для кого это решение отвечает текущим жизненным планам, и для них переход в неактивность не связан с выраженными потерями в социальном положении. Отсутствие различий в восприятии статуса (а иногда и субъективный статусный «выигрыш» от незанятости) среди большинства женщин не является неожиданным результатом.

Исследование также показало, что наиболее важным аспектом субъективного социального статуса, на который потеря работы влияет в первую очередь, представляется восприятие материального благосостояния. Именно этот индикатор самооценки наиболее чутко реагирует на безработицу среди представителей рабочих профессий. Разумеется, для большинства людей работа является основным источником средств к существованию, однако примечательно, что роль дохода в формировании субъективных ожиданий в течение последних десятилетий увеличивается, что объясняется исследователями его возросшей значимостью в определении стиля жизни в контексте развития ценностей общества потребления [Lindemann 2007]. Доход становится ключевой составляющей представлений о собственном месте в обществе в европейских странах с высоким неравенством доходов [Lindemann, Saar 2014]. Полученные результаты также подтверждаются и проводившимися в России исследованиями базовых ценностей, согласно которым для россиян характерна выраженная ориентация на конкурентные ценности богатства [Руднев, Магун 2008]. Как это ни парадоксально, но большое значение они приобретают именно среди представителей рабочих профессий, которые ради поддержания краткосрочной ориентации на «высокий» стиль жизни не делают никаких сбережений и вынуждены жить в долг [Каравай, Тихонов 2015].

Приложения

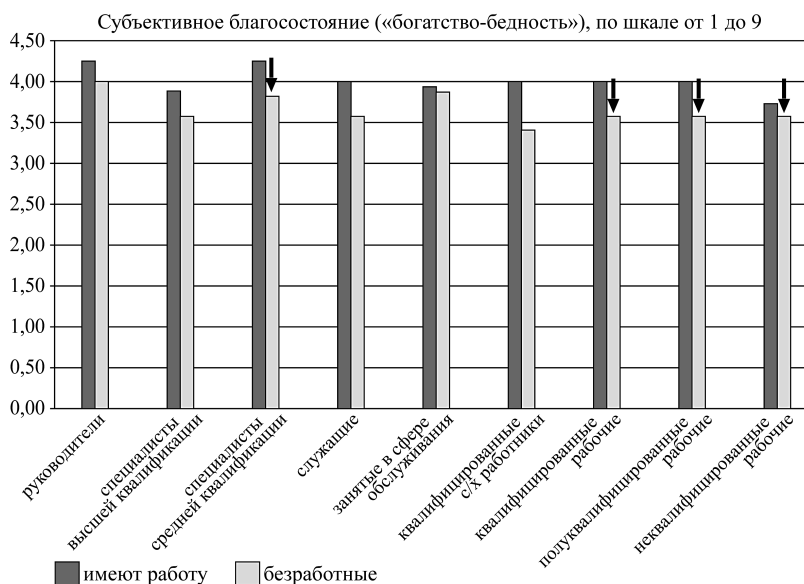

Рисунок 1. Средние значения самооценки материального благосостояния безработных в зависимости от предшествующей профессиональной группы до и после потери работы, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2000–2012 гг.

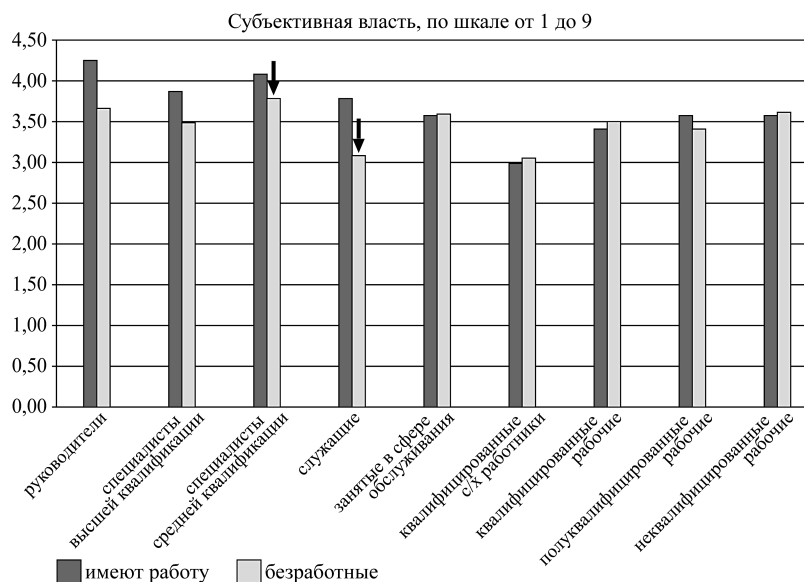

Рисунок 2. Средние значения самооценки власти безработных в зависимости от предшествующей профессиональной группы до и после потери работы, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2000–2012 гг.

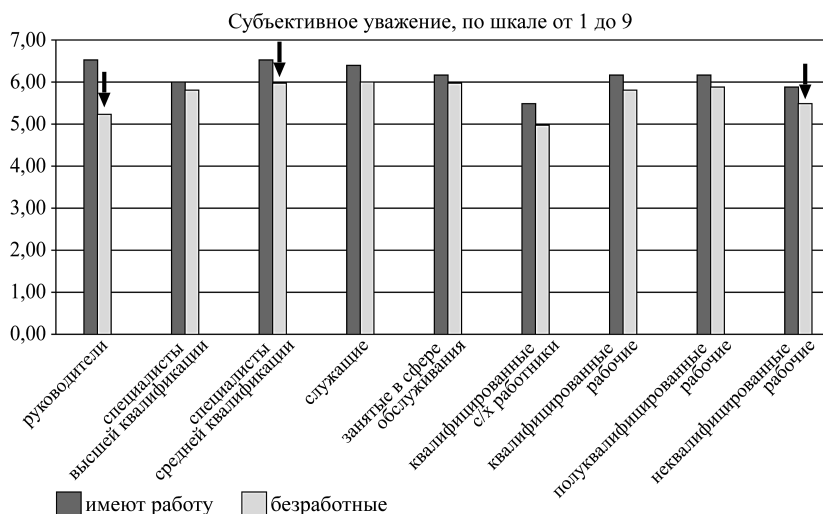

Рисунок 3. Средние значения самооценки уважения безработных в зависимости от предшествующей профессиональной группы до и после потери работы, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2000–2012 гг.

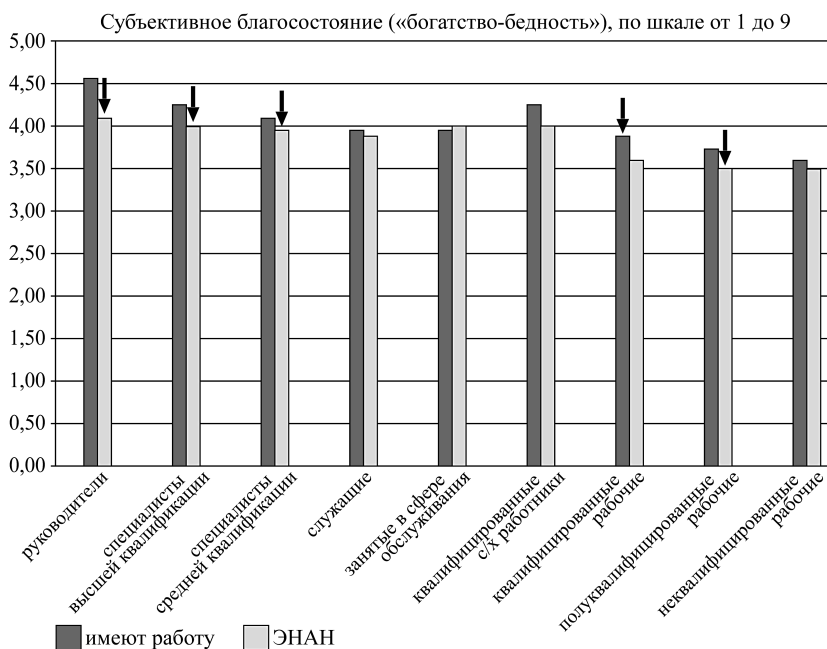

Рисунок 4. Средние значения самооценки материального благосостояния экономически неактивных респондентов в зависимости от предшествующей профессиональной группы до и после потери работы, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2000–2012 гг.

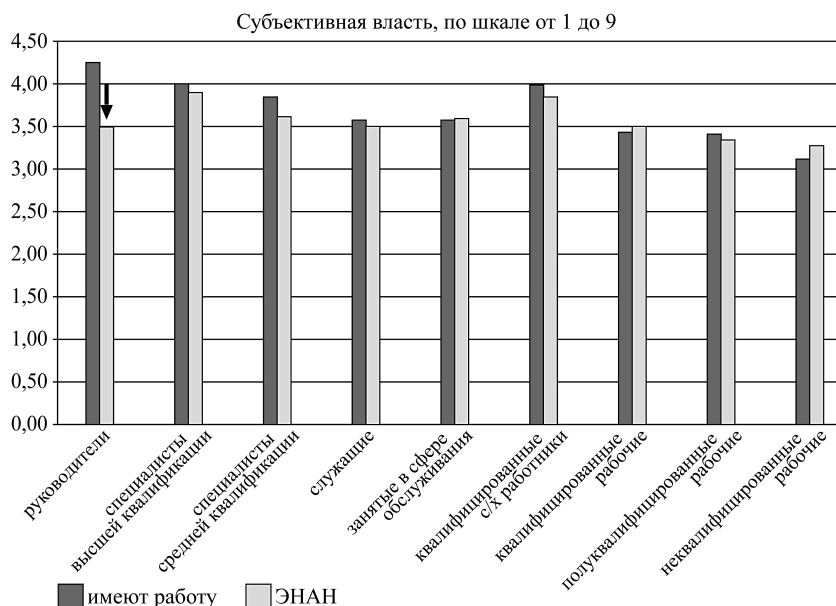

Рисунок 5. Средние значения самооценки власти экономически неактивных респондентов в зависимости от предшествующей профессиональной группы до и после потери работы, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2000–2012 гг.

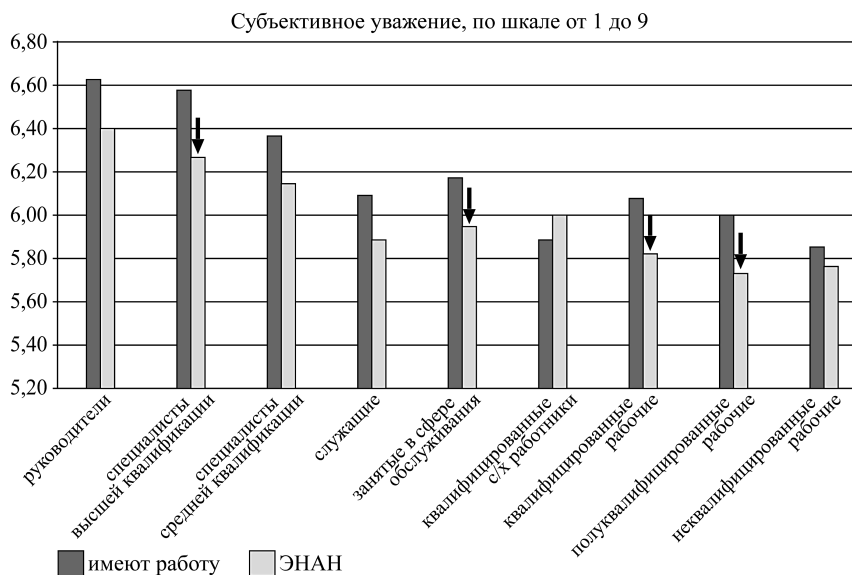

Рисунок 6. Средние значения самооценки уважения экономически неактивных респондентов в зависимости от предшествующей профессиональной группы до и после потери работы, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2000–2012 гг.

Литература

- Абрамов Р.Н. (2013) Социология профессий и занятий в России: обзор текущей ситуации // Социологические исследования. № 1. С. 99–108.
- Бессуднов А.Р. (2009) Социально-профессиональный статус в современной России // Мир России. № 2. С. 89–115.
- Гимпельсон В.Е., Шарунина А.В. (2015) Потоки на российском рынке труда // Экономический журнал. № 3. С. 313–348.
- Зудина А.А. (1) (2013) Неформальная занятость и субъективный социальный статус: пример России // Экономическая социология. Т. 14. № 3. С. 27–63.
- Зудина А.А. (2) (2013) Формальные и неформальные работники на российском рынке труда: сравнительный анализ самооценок социального статуса // Мир России. № 4. С. 174–202.
- Зудина А.А. (2015) Динамика субъективного социального статуса при потере работы: анализ профессиональных различий. Препринты WP3/2015/6. М.: ВШЭ.
- Каравай А.В., Тихонов А.А. (2015) Особенности финансовых установок и поведения российских рабочих // Terra Economicus. Т. 13. Выпуск 1. С. 89–106.
- Мансуров В.А., Юрченко О.В. (2009) Социология профессий. История, методология и практика исследований // Социологические исследования. № 8. С. 36–46.
- Руднев М.Г., Магун В.С. (2010) Базовые ценности-2008: сходства и различия между россиянами и другими европейцами. Препринты WP6/2010/3. М.: ВШЭ.
- Adler N., Epel E.S. (2000) Relationship of Subjective and Objective Social Status With Psychological and Physiological Functioning: Preliminary Data in Healthy White Women // Health Psychology, vol. 19, no 6, pp. 586–592.
- Bonsang E., Klein T.J. (2011) Retirement and Subjective Well-Being // IZA Discussion Paper Series, no 5536.
- Bourdieu P. (1979) La Distinction. Critique Sociale du Jugement, Paris: Ed. de Minuit.
- Broschak J.P., Davis-Blake A., Block E. (2008) Nonstandard, not Substandard: The Relationship Among Work Arrangements, Work Attitudes, and Job Performance // Work and Occupations, vol. 35, no 1, pp. 3–43.
- Calvo E., Sarkisian N., Tamborini C.R. (2011) Causal Effects of Retirement Timing on Subjective Well-being: the Role of Cultural Norms and Institutional Policies // Instituto de Políticas Públicas. Documento de Trabajo, no 7 // http://www.esteban-calvo.com/wp-content/uploads/2015/02/Calvo_Sarkisian_Tamborini_2011_retirement_health_WP_IPP.pdf
- Carmines E.G., Stanley H.W. (1992) The Transformation of the New Deal Party System: Social Groups, Political Ideology, and Changing Partisanship among Northern Whites, 1972–1988 // Political Behavior, no 14, pp. 213–237.
- Centers R. (1949) The Psychology of Social Classes: A Study of Class Consciousness, Princeton: Princeton University Press.
- Chan T.W., Goldthorpe J.H. (2004) Is There a Status Order in Contemporary British Society? Evidence From Occupational Structure of Friendship // European Sociological Review, vol. 20, no 5, pp. 383–401.
- Clark A.E., Oswald A.J. (1994) Unhappiness and Unemployment // The Economic Journal, no 104, pp. 648–659.
- Della Fave L.R. (1980) The Meek Shall Not Inherit the Earth: Self-Evaluation and the Legitimacy of Stratification // American Sociological Review, vol. 45, no 6, pp. 955–971.
- DiPrete T., McManus P. (2000) Family Change, Employment Transitions, and the Welfare State: Household Income Dynamics in the United States and Germany // American Sociological Review, vol. 65, no 3, pp. 343–370.
- Durkheim E. (1893) De la Division du Travail Social: Étude sur l'Organisation des Sociétés Supérieures, Paris: Félix Alcan.
- Fineman S. (1983) White Collar Unemployment, London: Wiley.
- Goodman A., Joyce R., Smith J.P. (2012) The Long Shadow Cast by Childhood Physical and Mental Problems on Adult Life // Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America, vol. 108, no 15, pp. 6032–6037.

- Hald Andersen S. (2009) Unemployment and Subjective Well-Being: A Question of Class? // *Work and Occupations*, vol. 36, no 1, pp. 3–25.
- Hepworth S. (1980) Moderating Factors of the Psychological Impact of Unemployment // *Journal of Occupational Psychology*, vol. 53, no 2, pp. 139–145.
- Hout M. (2008) How Class Works in Popular Conception: Most Americans Identify with the Class Their Income, Occupation, and Education Implies for Them // *Social Class: How Does it Work?* (eds. Conley D., Laureau A.), New York: Russell Sage Foundation.
- Jackman M.R., Jackman R.W. (1973) An Interpretation of the Relation Between Objective and Subjective Social Status // *American Sociological Review*, vol. 38, no 5, pp. 569–582.
- Jahoda M. (1982) *Employment and Unemployment: A Social-Psychological Analysis*, Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Johnson M.K., Mortimer J.T., Lee J.C., Stern M.J. (2007) Judgments about Work: Dimensionality Revisited // *Work and Occupations*, vol. 34, no 3, pp. 290–317.
- Kelley J., Evans M.D.R. (1995) Class and Class Conflict in Six Western Nations // *American Sociological Review*, no 60, pp. 157–178.
- Kessler R.C., Cleary P.D. (1980) Social Class and Psychological Distress // *American Sociological Review*, no 45, pp. 463–478.
- Kluegel J.R., Singleton R., Starnes C.E. (1977) Subjective Class Identification: a Multiple Indicator Approach // *American Sociological Review*, no 42, pp. 599–611.
- Knabe A., Ratzel S. (2011) Scarring or Scaring? The Psychological Impact of Past Unemployment and Future Unemployment Risk // *Economica*, no 8, pp. 283–293.
- Leggett J.C. (1963) Working-Class Consciousness, Race, and Political Choice // *American Journal of Sociology*, no 69, pp. 171–176.
- Lewis L. (1964) Class and the Perception of Class // *Social Forces*, vol. 4, no 3, pp. 336–340.
- Lindemann K. (2007) The Impact of Objective Characteristics on Subjective Social Position // *Trames*, vol. 11, pp. 54–68.
- Lindemann K., Saar E. (2014) Contextual Effects on Subjective Social Position: Evidence from European Countries // *International Journal of Comparative Sociology*, vol. 55, no 1, pp. 3–23.
- Mavridis D. (2012) Can Subjective Well-Being Predict Unemployment Duration? Paper presented at the 15th IZA European Summer School in Labor Economics Conference Materials // http://www.iza.org/conference_files/SUMS2012/mavridis_d7639.pdf
- Newman K. (1999) *Falling From Grace: Downward Mobility in the Age of Affluence*, Berkeley, CA: University of California Press.
- Payne R., Warr P., Hartley J. (1984) Social Class and Psychological Ill-health During Unemployment // *Sociology of Health and Illness*, vol. 6, no 2, pp. 152–174.
- Shepelak N.J. (1987) The Role of Self-Explanations and Self-Evaluations in Legitimizing Inequality // *American Sociological Review*, vol. 52, no 4, pp. 495–503.
- Singh-Manoux A., Adler N.E., Marmot M.G. (2003) Subjective Social Status: Its Determinants and Its Association with Measures of Ill-health in the Whitehall II Study // *Social Science & Medicine*, vol. 56, no 6, pp. 1321–1333.
- Strully K.W. (2009) Job Loss and Health in the US Labor Market // *Demography*, vol. 46, no 2, pp. 221–246.
- Weber M. (1966) Class, Status and Party // *Class, Status and Power* (eds. Bendix R., Lipset S.M.), NY: Free Press, pp. 21–28.
- Whelan C.T. (1994) Social Class, Unemployment, and Psychological Distress // *European Sociological Review*, vol. 10, no 1, pp. 49–61.
- Winkelmann L., Winkelmann R. (1998) Why are the Unemployed So Unhappy? Evidence from Panel Data // *Economica*, vol. 65, no 257, pp. 1–15.
- Wooldridge J.M. (2002) *Econometric Analysis of Cross Section and Panel Data*, Cambridge, MA; London, UK: The MIT Press.
- World Development Report 2013: Jobs (2012) // World Bank, Washington, DC: World Bank.
- Young C. (2012) Losing a Job: The Nonpecuniary Cost of Unemployment in the United States // *Social Forces*, vol. 91, no 2, pp. 609–634.

Job Loss: Occupational Differences in Subjective Social Status Dynamics

A. ZUDINA*

***Anna Zudina** – Candidate of Sciences in Sociology, Junior Research Fellow, Centre for Labour Market Studies, Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya St., Moscow, 101000, Russian Federation. E-mail: azudina@hse.ru

Citation: Zudina A. (2016) Job Loss: Occupational Differences in Subjective Social Status Dynamics. *Mir Rossii*, vol. 25, no 4, pp. 154–184 (in Russian)

Abstract

Numerous economic, sociological and psychological studies show that job loss leads to a major decline of social position when measured by indicators such as earnings, subjective well-being, life chances and job-search abilities. However, the relationship between job loss and subjective social status dynamics remains insufficiently researched. Particularly, little is known about occupation-specific differences in perceptions of social status decline due to job loss. Given occupational heterogeneity, the effect of occupation on subjective social status dynamics due to job loss may differ considerably. The questions raised in this study are the following: For which occupational groups is job loss more damaging in terms of subjective social status decline? Do unemployment transitions differ in terms of their impact on subjective social status decline for various occupational groups? This study utilizes data from the Russia Longitudinal Monitoring Survey- Higher School of Economics (RLMS-HSE) for 2000–2012. Panel regression models with fixed effects are estimated. The findings reveal a modest negative effect of unemployment on subjective social status. Moreover, this effect is consistently present among male workers who occupy the lower level of the occupation hierarchy (grades 7–9 of the one-digit ISCO88). For job loss the effect, however, is much more pronounced. The decline in subjective social status is particularly pronounced among ex-managers (both male and female) and male workers, who worked as technicians and associate professionals, and for service and sales workers.

Keywords: subjective social status, social stratification, unemployment, worker flows, occupations, panel data, RLMS-HSE

References

Abramov R.N. (2013) Sotsiologiya professii i zanyatii v Rossii: obzor tekushchei situatsii [Sociology of Professions and Occupations in Russia: Current Trends]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no 1, pp. 99–108.

- Adler N., Epel E.S. (2000) Relationship of Subjective and Objective Social Status With Psychological and Physiological Functioning: Preliminary Data in Healthy White Women. *Health Psychology*, vol. 19, no 6, pp. 586–592.
- Bessudnov A.R. (2009) Sotsialno-professional'nyi status v sovremennoi Rossii [Socio-occupational Status in Modern Russia]. *Mir Rossii*, no 2, pp. 89–115.
- Bonsang E., Klein T.J. (2011) Retirement and Subjective Well-Being. *IZA*, Discussion Paper Series, no 5536.
- Bourdieu P. (1979) *La Distinction. Critique Sociale du Jugement*, Paris: Ed. de Minuit.
- Broschak J.P., Davis-Blake A., Block E. (2008) Nonstandard, not Substandard: The Relationship Among Work Arrangements, Work Attitudes, and Job Performance. *Work and Occupations*, vol. 35, no 1, pp. 3–43.
- Calvo E., Sarkisian N., Tamborini C.R. (2011) Causal Effects of Retirement Timing on Subjective Well-being: the Role of Cultural Norms and Institutional Policies. *Instituto de Políticas Públicas*. Documento de Trabajo, no 7. Available at: http://www.esteban-calvo.com/wp-content/uploads/2015/02/Calvo_Sarkisian_Tamborini_2011_retirement_health_WP_IPP.pdf, accessed 31 August 2016.
- Carmines E.G., Stanley H.W. (1992) The Transformation of the New Deal Party System: Social Groups, Political Ideology, and Changing Partisanship among Northern Whites, 1972–1988. *Political Behavior*, no 14, pp. 213–237.
- Centers R. (1949) *The Psychology of Social Classes: A Study of Class Consciousness*, Princeton: Princeton University Press.
- Chan T.W., Goldthorpe J.H. (2004) Is There a Status Order in Contemporary British Society? Evidence from Occupational Structure of Friendship. *European Sociological Review*, vol. 20, no 5, pp. 383–401.
- Clark A.E., Oswald A.J. (1994) Unhappiness and Unemployment. *The Economic Journal*, no 104, pp. 648–659.
- Della Fave L.R. (1980) The Meek Shall Not Inherit the Earth: Self-Evaluation and the Legitimacy of Stratification. *American Sociological Review*, vol. 45, no 6, pp. 955–971.
- DiPrete T., McManus P. (2000) Family Change, Employment Transitions, and the Welfare State: Household Income Dynamics in the United States and Germany. *American Sociological Review*, vol. 65, no 3, pp. 343–370.
- Durkheim E. (1893) *De la Division du Travail Social: Étude sur l'Organisation des Sociétés Supérieures*, Paris: Félix Alcan.
- Fineman S. (1983) *White Collar Unemployment*, London: Wiley.
- Gimpelson V.E., Sharunina A.V. (2015) Potoki na rossiiskom rynke tryda [Worker Flows on the Russian Labour Market]. *Ekonomicheskii zhurnal*, no 3, pp. 313–348.
- Goodman A., Joyce R., Smith J.P. (2012) The Long Shadow Cast by Childhood Physical and Mental Problems on Adult Life. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, vol. 108, no 15, pp. 6032–6037.
- Hald Andersen S. (2009) Unemployment and Subjective Well-Being: A Question of Class? *Work and Occupations*, vol. 36, no 1, pp. 3–25.
- Hepworth S. (1980) Moderating Factors of the Psychological Impact of Unemployment. *Journal of Occupational Psychology*, vol. 53, no 2, pp. 139–145.
- Hout M. (2008) How Class Works in Popular Conception: Most Americans Identify with the Class Their Income, Occupation, and Education Implies for Them. *Social Class: How Does it Work?* (eds. Conley D., Laureau A.), New York: Russell Sage Foundation.
- Jackman M.R., Jackman R.W. (1973) An Interpretation of the Relation Between Objective and Subjective Social Status. *American Sociological Review*, vol. 38, no 5, pp. 569–582.
- Jahoda M. (1982) *Employment and Unemployment: A Social-Psychological Analysis*, Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Johnson M.K., Mortimer J.T., Lee J.C., Stern M.J. (2007) Judgments about Work: Dimensionality Revisited. *Work and Occupations*, vol. 34, no 3, pp. 290–317.
- Karavai A.V., Tikhonov A.A. (2015) Osobennosti finansovikh ustanovok i povedeniya rossiiskikh rabochikh [Financial Attitudes and Behavior of Russian Workers]. *Terra Economicus*, vol. 13, no 1, pp. 89–106.

- Kelley J., Evans M.D.R. (1995) Class and Class Conflict in Six Western Nations. *American Sociological Review*, no 60, pp. 157–178.
- Kessler R.C., Cleary P.D. (1980) Social Class and Psychological Distress. *American Sociological Review*, no 45, pp. 463–478.
- Kluegel J.R., Singleton R., Starnes C.E. (1977) Subjective Class Identification: a Multiple Indicator Approach. *American Sociological Review*, no 42, pp. 599–611.
- Knabe A., Ratzel S. (2011) Scarring or Scaring? The Psychological Impact of Past Unemployment and Future Unemployment Risk. *Economica*, no 8, pp. 283–293.
- Leggett J.C. (1963) Working-Class Consciousness, Race, and Political Choice. *American Journal of Sociology*, no 69, pp. 171–176.
- Lewis L. (1964) Class and the Perception of Class. *Social Forces*, vol. 4, no 3, pp. 336–340.
- Lindemann K. (2007) The Impact of Objective Characteristics on Subjective Social Position. *Trames*, vol. 11, pp. 54–68.
- Lindemann K., Saar E. (2014) Contextual Effects on Subjective Social Position: Evidence from European Countries. *International Journal of Comparative Sociology*, vol. 55, no 1, pp. 3–23.
- Mansurov V.A., Urchenko O.V. (2009) Sotsiologiya professii. Istoriya, metodologiya i praktika issledovaniy [Sociology of Professions. History, Methodology and Practice of Research]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, vol. 8, pp. 36–46.
- Mavridis D. (2012) *Can Subjective Well-Being Predict Unemployment Duration?* Paper presented at the 15th IZA European Summer School in Labor Economics Conference Materials. Available at: http://www.iza.org/conference_files/SUMS2012/mavridis_d7639.pdf, accessed 31 August 2016.
- Newman K. (1999) *Falling From Grace: Downward Mobility in the Age of Affluence*, Berkeley, CA: University of California Press.
- Payne R., Warr P., Hartley J. (1984) Social Class and Psychological Ill-health During Unemployment. *Sociology of Health and Illness*, vol. 6, no 2, pp. 152–174.
- Rudnev M.G., Magun V.S. (2010) *Bazovye tsennosti-2008: skhodstva i razlichiya mezdu rossiyanami i drugimi evropeitsami* [Basic Values-2008: Similarities and Differences Between Russians and Other Europeans]. Working paper WP6/2010/3, Moscow: HSE.
- Shepelak N.J. (1987) The Role of Self-Explanations and Self-Evaluations in Legitimizing Inequality. *American Sociological Review*, vol. 52, no 4, pp. 495–503.
- Singh-Manoux A., Adler N.E., Marmot M.G. (2003) Subjective Social Status: Its Determinants and Its Association with Measures of Ill-health in the Whitehall II Study. *Social Science & Medicine*, vol. 56, no 6, pp. 1321–1333.
- Strully K.W. (2009) Job Loss and Health in the US Labor Market. *Demography*, vol. 46, no 2, pp. 221–246.
- Weber M. (1966) Class, Status and Party. *Class, Status and Power* (eds. Bendix R., Lipset S.M.), NY: Free Press, pp. 21–28.
- Whelan C.T. (1994) Social Class, Unemployment, and Psychological Distress. *European Sociological Review*, vol. 10, no 1, pp. 49–61.
- Winkelmann L., Winkelmann R. (1998) Why are the Unemployed So Unhappy? Evidence from Panel Data. *Economica*, vol. 65, no 257, pp. 1–15.
- Wooldridge J.M. (2002) *Econometric Analysis of Cross Section and Panel Data*, Cambridge, MA; London, UK: The MIT Press.
- World Development Report 2013: Jobs (2012). *World Bank*, Washington, DC: World Bank.
- Young C. (2012) Losing a Job: The Nonpecuniary Cost of Unemployment in the United States. *Social Forces*, vol. 91, no 2, pp. 609–634.
- Zudina A.A. (1) (2013) Neformal'naya zanyatost' i sub'ektivnyi sotsialnyi status: primer Rossii [Informal Employment and Subjective Social Status: the Case of Russia]. *Ekonomicheskaya Sotsiologiya*, vol. 14, no 3, pp. 27–63.
- Zudina A.A. (2) (2013) Formal'nye i neformal'nye rabotniki na rossiiskom rynke tryda: sravnitelnyi analiz samootsenok sotsial'nogo statusa [Formal and Informal Workers on the Russian Labour Market: Comparative Analysis of Subjective Social Status]. *Mir Rossii*, vol. 22, no 4, pp. 174–202.
- Zudina A.A. (2015) *Dinamika sub'ektivnogo sotsial'nogo statusa pri potere raboti: analiz professionalnikh razlichii* [Job Loss: Occupational Differences in Subjective Social Status Dynamics]. Working paper WP3/2015/6, Moscow: HSE.